

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 82-312.1
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-3-25-65
EDN KOYXYR

Романы Гузели Яхиной и Чи Цзыцзянь в аспекте экофеминизма

Фу Шаньшань^{1✉}, Фу Мэйянь²

¹Аспирант, Тяньцзиньский университет иностранных языков, КНР, г. Тяньцзинь.

²Доктор филологических наук, доцент, заместитель директор Института европейских языков и культур, Тяньцзиньский университет иностранных языков, КНР, г. Тяньцзинь.

¹1773950835@qq.com✉, <https://orcid.org/0009-0009-5083-2458>

²fmy@tjfsu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-0862-0461>

Аннотация. Гузель Яхина, писательница татарского происхождения из России, и китайская писательница Чи Цзыцзянь, как выдающиеся современные авторы-женщины, демонстрируют в своем творчестве яркие черты межкультурного диалога. В романе «Зулейха открывает глаза» Г. Яхина описывает путь ссылки и пробуждения татарской женщины, тогда как Чи Цзыцзянь в романе «Правый берег реки Аргунь» рисует столетнюю судьбу и духовный мир эвенкийского народа. Статья представляет собой сравнительный анализ романов Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» и Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь» в рамках экофеминистского подхода. Опираясь на методы сопоставительного и контекстуального анализа, в исследовании рассматриваются судьба женщины в патриархальной системе, ее связь с природой, а также экофеминистские концепции, отраженные в творчестве обеих писательниц.

Оба произведения написаны тонким и простым языком, вводят образы леса и рек как ключевые пространственные метафоры и исследуют отношения женщин с природой, что глубоко соответствует основным идеям экофеминизма. Исследование показывает, что, исходя из собственных культурных контекстов, писательницы концентрируются на совместном угнетении, которому подвергаются женщины и природа, и призывают к возвращению к чистой человеческой сущности, создавая тем самым уникальный экофеминистский дискурс с региональным культурным колоритом. В отличие от радикального западного экофеминистского дискурса, их описание отличается мягкостью и сочувствием: через экологическую заботу и сострадание к жизни они «взирают в прошлое», формируя литературное пространство, в котором человек и природа связаны кровными узами, и с помощью

© Фу Шаньшань, Фу Мэйянь, 2025

первозданной природной мудрости откликаются на исторические травмы, вызванные современной цивилизацией.

Ключевые слова: Гузель Яхина; Чи Цзыцзянь; экофеминизм; «Зулейха открывает глаза»; «Правый берег реки Аргунь»; женщина и природа; женская литература

Статья выполнена в рамках проекта общественных наук Муниципальной комиссии по образованию Тяньцзиня 2024 г. «Исследование пространственных нарративов в поэзии Царицына в России 1920-х годов», № 2024SK064.

Для цитирования: Фу Шаньшань, Фу Мэйянь Романы Гузели Яхиной и Чи Цзыцзянь в аспекте экофеминизма // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 3 (25). С. 65–85. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-65>. <https://elibrary.ru/KOYXYR>.

PHILOLOGY

Original article

Novels by Guzel Yahina and Chi Zijian in terms of ecofeminism

Fu Shanshan¹✉, Fu Meiyan²

¹Postgraduate student, Tianjin University of Foreign Languages, PRC, Tianjin.

²Doctor of philological sciences, associate professor, deputy director of the Institute of European Languages and Cultures, Tianjin University of Foreign Languages, PRC, Tianjin.

¹1773950835@qq.com✉, <https://orcid.org/0009-0009-5083-2458>

²fmy@tjfsu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-0862-0461>

Abstract. Guzel Yakhina, a writer of Tatar origin from Russia, and the Chinese writer Chi Zijian are outstanding modern female authors, who demonstrate the vivid features of intercultural dialogue in their work. In the novel *Zuleikha Opens Her Eyes*, G. Yakhina describes a Tatar woman's path of exile and awakening, while Chi Zijian in *The Right Bank of the Argun River* depicts the hundred-year-long fate and spiritual world of the Evenki people. This article is a comparative analysis of the abovementioned novels within the framework of an ecofeminist approach. Based on the methods of comparative and contextual analysis, the authors examine the fate of a woman in the patriarchal system, her links with nature, as well as ecofeminist concepts reflected in the work of both writers. Both works are written in subtle and clear language, introduce images of forests and rivers as key spatial metaphors and explore women's relationship with nature, which is deeply consistent with the basic ideas of ecofeminism. The study shows that, based on their own cultural contexts, the writers focus on the oppression to which both women and nature are subjected, and call for a return to pure human essence, thereby creating a unique ecofeminist discourse with a regional cultural flavor. Unlike radical Western ecofeminist discourse, their description is characterized by gentleness and empathy: through ecological concern and compassion for life, they "look into the past", forming a literary space where man and nature are inseparable, and thanks to primordial natural wisdom they respond to historical traumas caused by modern civilization.

Key words: Guzel Yakhina; Chi Zijian; ecofeminism; Zuleikha Opens Her Eyes; The Right Bank of the Argun River; woman and nature; women's literature

The article was written as part of the Social Sciences project by the Tianjin Municipal Education Commission 2024: "Studying spatial narratives in Tsaritsyn's poetry in the 1920s Russia", No. 2024SK064.

For citation: Fu Shanshan, Fu Meiyang Novels by Guzel Yakhina and Chi Zijian in terms of ecofeminism. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 3(25): 65–85. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-65>. <https://elibrary.ru/KOYXYR>.

Введение

Татарская писательница из России Гузель Яхина и писательница из северо-востока Китая Чи Цзыцзянь являются яркими и заметными представительницами современной женской литературы. В их творчестве прослеживается сквозная тематическая линия: Яхина изображает судьбы маргинализованных личностей в потоке исторических катастроф, показывая их борьбу и стойкость в условиях эпохальных перемен; Чи Цзыцзянь посредством экологического письма и повествования о родине раскрывает жизненный мир и духовные поиски обычных людей на северо-восточной окраине Китая. Их гуманистическое внимание к уязвимым группам в рамках различных культурных контекстов не только отражает красоту эмпатии с женской точки зрения, но и формирует насыщенный внутренним напряжением и созвучием литературный диалог в межкультурной перспективе.

В романе Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» ярко показана трансформация главной геро-

ини Зулейхи – от «мокрой курицы» в традиционной татарской семье до «женщины-охотницы» в сибирской глуши, что воплощает как жизненные трудности, так и духовный рост женщины из этнического меньшинства в потоке эпохи. В 2015 году Гузель Яхина получила престижные литературные премии «Большая книга» и «Ясная Поляна» за свой дебютный роман. Молодая писательница сказала: «В глухой тайге, на грани жизни и смерти, слетает все наносное, несущественное – религиозные предубеждения, социальные и национальные предрассудки. И человек остается наедине с человеком. Я писала книгу об этом» [Яхина. Лишь ...]. В свою очередь, роман Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь», вдохновленный образом последней женщины-вождя и выдающейся охотницы эвенкийского народа – Марии Со, использует этнографическое повествование от первого лица, чтобы изобразить сложную картину сосуществования древнего охотничьего народа с природой на протяжении столетия, а также его столкновение с совре-

менной цивилизацией. Критики отмечают: «Чи Цзыцзянь стремится отразить альтернативные пейзажи Хэйлунцзяна, особые социальные группы и этнический колорит, проявляя тепло и глубину сквозь суровость и бесприютность» [Цзан Сяо Янь, 2021, с. 177] В 2008 году китайская писательница Чи Цзыцзянь была удостоена высшей литературной награды Китая – премии Мао Дуня за роман «Правый берег реки Аргунь». «Два романа характеризуются индивидуальной манерой и яркой жанровой спецификой этнопрозы, что дает возможность рассматривать ее произведения не только с точки зрения художественного вымысла, но и как ценный историко-этнографический и фольклорный источник» [Войтишек, 2014, с. 177].

Творчество обеих писательниц укоренено в уникальной культурной почве каждой из них, однако, обладая локализованным, но в то же время глобальным взглядом, они сосредотачиваются на общем для всего человечества вопросе выживания. Обе писательницы, исходя из женской перспективы, с теплотой и состраданием оглядываются на историю, с тонкостью и простотой изображают травмы прошлого, раскрывая духовную силу простых людей, преодолевающих страдания на фоне великой истории. Это литературное созвучие, преодолевающее границы регионов и культур, как раз и подтверждает универсальную гумани-

стическую ценность великих произведений литературы. В романе Яхиной «путь ссыльной татарской женщины» и эпосе Чи Цзыцзянь «столетняя элегия эвенкийского народа» культура этнических меньшинств служит нарративным полем, где образы горных лесов и рек выступают ключевыми пространственными символами. Эти произведения не только демонстрируют внимание к природе и заботу о положении женщин, что глубоко соответствует ключевым идеям экофеминизма, но и воплощают художественную интерпретацию его теории. Более того, посредством литературного воображения они расширяют границы теоретического дискурса.

Методы исследования

Настоящая статья основана на теоретической парадигме экофеминизма и представляет собой комплексное исследование, в котором сочетаются сравнительный анализ, контекстуальный подход, мифопоэтический метод и интертекстуальный анализ. Объектом исследования выступают образы природы и женщины в художественных произведениях Гузели Яхиной и Чи Цзыцзянь, а также их внутренняя взаимосвязь. Целью работы является выявление как типологических сходств, так и отличительных особенностей экофеминистского дискурса в творчестве обеих писательниц, с акцентом на специфику их художественного мировидения и культурно-исторического контекста.

Теоретические основания исследования

«Экофеминизм – теоретическое направление и идеологическое движение в экологии, интегрирующее на основе взаимоэкспликации фундаментальные проблемы экосферы с не менее фундаментальными проблемами гендерной асимметрии» [Хоменко, 2012, с. 82]. Глобальный экологический кризис, системное гендерное угнетение, структурный расизм и проблемы беженцев – эти ключевые противоречия современного общества формируют исторический контекст возникновения экофеминизма. Как отмечают исследователи экофеминизма, эти, казалось бы, разрозненные социальные проблемы на самом деле имеют общие эпистемологические корни – антропоцентристскую ценностную парадигму. В антропоцентрической системе природа конструируется как объект для эксплуатации, тогда как женщина в патриархальном обществе становится угнетенным «Другим» – оба превращаются в инструментальные ресурсы для реализации интересов доминирующих групп. Такая модель развития, основанная на инструментальной рациональности, с одной стороны, привела к экспоненциальному росту технологий и накоплению материальных богатств, но с другой – спровоцировала глубокий экологический кризис и кризис духовных ценностей. Эксплуатация природы, с одной стороны, и природы человека,

общества и животных, с другой, – и с этим следует согласиться – в экофеминизме осмыслены в единстве как процессы, нарушающие справедливость, равенство и свободу [Баркова, 2022]. Инструментализация природы и уязвимых социальных групп как модель мышления, с одной стороны, культивирует фетишизацию технологической рациональности, а с другой – приводит к системной девальвации экологической этики и гуманитарных ценностей.

Теоретические положения экофеминизма раскрываются в трех ключевых аспектах: во-первых, теория подвергает всесторонней критике разрушительное воздействие антропоцентризма на экологию, разоблачая хищническую эксплуатацию природных ресурсов и выступая за формирование новых этических отношений симбиоза между человеком и природой. Во-вторых, она осуществляет системную деконструкцию патриархальной социальной структуры, отстаивая создание системы власти, основанной на гендерном равенстве, что способствует установлению более справедливого и гармоничного общественного порядка. В-третьих, теория содержит глубокий анализ феномена материального фетишизма и потребительского отчуждения в условиях капитализма, подчеркивая важность возрождения духовных ценностей для устойчивого развития человеческой цивилизации.

В рамках данной теоретической перспективы диалектическое осмысление природной экологии и женской судьбы стало отличительной поэтической характеристикой экофеминистского литературного творчества. В последние годы возрастает интерес к литературным произведениям, посвященным конфликтам между человеком и природой, а также межгендерным противоречиям. Анализ подобных текстов с позиций экофеминизма способствует переосмыслению их глубинного содержания, выявлению скрытых социальных проблем и определению их актуального значения для современного общества. Такой подход не только способствует продвижению ценностей гармоничного сосуществования человека с природой, гендерного равенства, уважения к разнообразию и различиям, но и предоставляет теоретическую и эстетическую основу для формирования более инклюзивной и устойчивой культурной среды. В данной статье рассматривается, как идеи экофеминизма воплощаются в литературном творчестве Гузели Яхиной и Чи Цзыцзянь.

**Женское «другое»
в патриархальной системе**

С развитием феминистского движения, хотя женщины в большинстве стран в той или иной степени «вышли на историческую сцену» в сфере социальных и политических прав, в области идеологии и культуры многие женщины по-прежнему остаются безгласны-

ми, часто объективируются и принижаются, становясь маргинализированными «Другими». В условиях бурного развития глобального феминистского движения, несмотря на исторический прогресс в уровне политического участия и социальных прав женщин, структурное отсутствие женского голоса в сфере культуры и идеологии остается повсеместным явлением. Женщины в культурной репрезентации систематически объективируются, символизируются и даже маргинализуются, превращаясь в молчаливого «Другого». Рассматриваемые в данной статье романы, через тонкое изображение жизненного опыта женщин из этнических меньшинств, не только раскрывают угнетение, с которым сталкивается данная группа, но и создают через литературный нарратив – пространство сопротивляющегося женского дискурса, – демонстрируя глубокую гуманистическую заботу авторов о положении женщин как «Других».

В письме к китайским читателям Яхина пишет: «Героиня романа Зулейха совершает не только пространственное переселение, преодолевая обширные просторы Советского Союза на пути к месту ссылки, но и духовное преображение – она покидает старый, патриархальный мир своей первой жизни и вступает в новый, современный мир, в котором ей предстоит прожить свою вторую жизнь» [Яхина, 2017, с. 1]. Первоначально Зулейха

предстает как робкая, молчаливая женщина из традиционной татарской семьи. Подвергаясь двойному угнетению – и классовому, и гендерному, она беспрекословно подчиняется мужу и свекрови, будучи бесправной «забитой жертвой» в собственном доме. «После убийства мужа и раскулачивания, женщина частично выходит из зоны потаенности: она начинает проявлять определенную активность и свое Я, демонстрируя умения на людях и скрывая только мысли» [Яковлева, 2021, с. 157]. Изменение среды пробуждает в Зулейхе внутреннее прозрение. Парадоксальным образом эта ссылка становится для нее возможностью открыть глаза, «постепенно она начинает видеть те вещи, которые она не видела раньше и понимает те вещи, которые она не понимала раньше» [Яхина. Прямо ...].

В ходе изгнания она шаг за шагом ломает патриархальные нормы и ограничения. Сначала ее размещают в мечети – пространстве, традиционно предназначенном только для мужчин, затем идут месяцы тесного соседства в вагоне поезда с разными изгнанниками. «Все, чему учила когда-то мама, что считалось правильным и нужным в полузабытой жизни в мужнином доме, что составляло, казалось, суть Зулейхи, ее основу и содержание, – рассыпалось, распадалось, рушилось. Правила нарушались, законы оборачивались своими противоположностями. Взамен возникали новые

правила, открывались новые законы» [Яхина, 2015, с. 214]. По прибытии в трудовое поселение на берегу Ангары, столкнувшись с суровой природой и необходимостью выживания, Зулейха ради защиты себя и малолетнего сына постепенно обретает самосознание и внутреннюю силу: из помощницы на кухне превращается в квалифицированную медсестру, а затем – в самостоятельную и стойкую женщину-охотника.

«Изначально экофеминизм критиковал бинарные оппозиции западной культуры, однако в процессе развития, особенно с включением идей экофеминизма третьего мира, его фокус сместился на осмысление целостности человека и экосистемы, а также на проблему индивидуальной субъектности» [Чжан Юэ, 2024, с. 61]. Зулейха представляет собой образ женщины с постепенно возрастающей субъектностью: из покорной жены, затерянной в тени семьи, она превращается в самостоятельную личность, активно действующую в общественном пространстве. Она не только освобождается от оков патриархальной морали, но и начинает внутренний поиск собственного «Я», смело утверждая право на сексуальную свободу. Под воздействием как внешней среды, так и внутреннего пробуждения героиня постепенно преодолевает гендерную маргинализацию, завершая процесс конструирования личностного самосознания. «Говоря о ла-

герной прозе XX века, необходимо отметить, что главным героем в произведениях зачастую выступал мужчина. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что Г. Яхина смогла по-новому переосмыслить и расширить опыт многих репрессированных. Ведь главной героиней в романе “Зулейха открывает глаза” выступает женщина, которая пытается выживать в условиях ГУЛАГа. Именно эта особенность (гендерный аспект) делает этот роман в своем роде уникальным произведением» [Чотчаева, 2019, с. 39].

В романе «Правый берег реки Аргунь» Чи Цзыцзянь с тонкостью и мягкостью описания вырисовывает образ сильных эвенкийских женщин, создавая коллективный портрет, в котором отражается относительно идеализированная картина гендерных отношений в обществе малочисленного народа – сотрудничество и взаимозависимость между мужчинами и женщинами, основанные на четком разделении труда. Мужчины отвечают за охоту и защиту племени, а женщины занимаются приготовлением пищи, шитьем одежды и другими домашними делами. Как говорит второй муж героини-рассказчицы Варога: «Я – гора, ты – вода. Гора рождает воду, вода питает гору. Связанные, как гора с водой, мы пребудем вечно» [Чи Цзыцзянь, 2010, с. 170]. В отличие от устаревшего маскулинного дискурса и радикального феминизма, Чи Цзыцзянь, изображая

гармоничные отношения между полами, мягко показывает и реальные проблемы женщин в патриархальной системе. Социалистический экофеминизм рассматривает приписываемые женщинам, такие добродетели как смирение, целомудренность, повышенную эмпатию, благопристойность и весь тот перечень истинно женских достоинств, на практике купирующих политическую и гражданскую активность их обладательницы [Пророкова, 2020]. В романе Дамара предстает как воплощение всех традиционных женских добродетелей эвенкийской женщины, она трудолюбива, сдержанна и нежна, однако ее субъектность в условиях патриархата оказывается сведена к единственной функциональной роли – «жены». После смерти мужа ее социальная идентичность и самоощущение рушатся. Шаман Ниду, влюбленный в Дамалу, так и не женится, а после смерти ее супруга, осмелился открыто выразить свою любовь. Однако укоренившиеся родовые традиции, сопротивление со стороны детей и внутренняя патриархальная установка, усвоенная самой Дамарой, заставили ее подавить стремление к новой любви и унести это чувство с собой. В отличие от Зулейхи, которая после смерти мужа решила на смелый шаг навстречу новым чувствам, Дамала, погруженная в самоотречение, завершила свою жизнь в состоянии внутреннего подавления.

Резкий контраст ей составляет другая героиня романа – Ивлин, женщина с ярко выраженным духом сопротивления. Ее брак с самого начала стал жертвой патриархальной системы – она была вынуждена выйти замуж за мужчину, который любил другую. В браке она мучает мужа холодностью, вмешивается в брак сына, что приводит к его самоубийству. После этого Ифулин окончательно разрывает отношения с мужем, а когда муж пытается утвердить мужскую власть через принудительное зачатие, она искусственно прерывает беременность, калеча себя. Этот крайний акт сопротивления становится одновременно мстью мужу и трагическим утверждением своих репродуктивных прав. Судьба Ифулин отражает ограниченность женского сопротивления в патриархате: зачастую протест возможен лишь через саморазрушение, что лишь усугубляет угнетение. Дамала угасает в одиночестве, Ифулин разрушает себя в борьбе – создавая идеализированную модель гендерных отношений, Чи Цзыцзянь одновременно глубоко осмысливает угнетение женщин патриархальной системой.

**Деконструкция антропоцентризма:
к гармонии человека и природы**

Творчество Яхиной и Чи Цзыцзянь обнаруживает глубокий резонанс в экологическом нарративе: обе писательницы совместно осуществили литературную деконструкцию антропоцентрического взгляда на природу, укоренив-

шегося со времен эпохи Просвещения, и системно выстроили поэтическую картину гармоничного сосуществования человека и природы. Яхина использует в качестве повествовательного носителя жизненные обстоятельства ссыльных, показывая, как люди под давлением обстоятельств вынуждены осваивать природу, но в итоге достигают с ней гармонии. Чи Цзыцзянь же через описание повседневной жизни эвенков раскрывает разрушительное влияние современной индустриальной цивилизации на экосистему и актуальную ценность экологической мудрости коренных народов. Обе писательницы преодолевают традиционную литературную модель, объективирующую природу, и, наделяя ее субъектностью, конструируют онтологическую рамку «природа-человечество» как единой судьбы. Эта творческая концепция не только преодолевает дуалистическую эпистемологию субъекта и объекта, но и создает в литературном воображении нарративную парадигму, основанную на холистическом экологическом мировоззрении, предоставляя важный текстуальный ориентир для современной экокритической теории.

В романе «Зулейха открывает глаза» жители деревни Юлбаш существуют в полной зависимости от природы: летом их спасают крупная земляника и сочная малина, осенью – ароматные грибы. Богатые дары реки Кишме – трижды щедрые дары природы спасали жителей от

голодной смерти. Когда главная героиня оказывается в сибирской ссылке, спецпереселенцы под покровом древних елей и благодаря живительным водам Ангары постепенно восстанавливают утраченную связь с природой, чтобы в конце концов обрести новую жизнь в этой суровой, но щедрой земле. Роман Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь» через шаманские верования эвенков раскрывает картину гармонии человека и природы и глубокую экологическую мудрость. Шаманизм, возникший в период расцвета первобытного матриархального общества, «основанный на первобытной охотничье-рыболовецкой экономике, представляет собой полителистическую систему верований, объединяющую культ природы, тотемизм и культ предков. 'Пантеизм' и 'анимизм' составляют его философскую и идеологическую основу» [И Инь, 2017, с. 83]. Эвенки считают, что горы, реки, солнце, луна, растения и животные воплощают божественную волю, обладая такими же чувствами и жизнью, как и человек, тем самым преодолевая антропоцентризм. Реки – это кровеносные сосуды, горы – кости, а тайга правого берега Аргуни и Малого Хингана – не просто место обитания эвенков, но и источник их существования и самой жизни. Трогательные детали в произведениях – будь то рубка только сухостоя, запрет на охоту за детенышами или торжественные погребальные обряды для добычи – все это воплощает исконное благоговение этого народа

перед природой. Как говорила Чи Цзыцзянь: «Природа – это единственное в мире по-настоящему бессмертное, она дышит, обладает духом и часто заставляет тебя откликнуться ей в ответ» [Фан Шоуцзинь, 2001, с. 81]. Хотя Яхина и Чи Цзыцзянь описывают разные географические пространства и культурные традиции, их произведения излучают одинаковый свет экологической мудрости, литературно воссоздавая гармоничные отношения между человеком и природой.

Обе писательницы выражают восхищение и благоговение перед природой, однако в их произведениях природа предстает не всегда ласковой – в ней заключена также грозная мощь, часто проявляющаяся в виде смерти и катастроф. В романе «Зулейха открывает глаза» шторм приводит к кораблекрушению, унося жизни более трехсот переселенцев. Однако для Зулейхи эта катастрофа становится моментом глубокого духовного очищения. Игнатов, после того как в пьяном виде теряет способность ходить из-за кораблекрушения, напротив, находит душевное спасение в природной силе реки. В романе «Правый берег реки Аргунь» герои сталкиваются с беспощадностью природы: Линькэ погибает от удара молнии, Ладжида замерзает в снегах, Варогу убивает медведь, а Джяокутокан умирает от укусов ос. Яхина использует природу как фон для масштабного повествования, делая ее силой, способствующей

духовному возрождению; сибирская пустыньность и реки в ее произведении – это пространства переживания личности. Ци Цзыцзянь же, опираясь на взгляды экологического холизма, не только раскрывает разрушительную сторону природы, но и подчеркивает ее бурную жизненную силу и первозданную красоту, тем самым создавая диалектическое единство – экологический мир, основанный на гармоничном сосуществовании человека и природы.

Природа и женщина

В коллективном бессознательном различных цивилизаций женщина неизменно воспринимается как воплощение природы. Обе писательницы тонко улавливают мистическую и глубокую взаимосвязь между женщиной и природой, наделяя женских персонажей природной одухотворенностью, что раскрывает уникальную перспективу экофеминизма.

Яхина через пространственную трансформацию раскрывает динамично развивающиеся отношения между женщиной и природой. До ссылки женщина сохраняет отстраненную дистанцию с естественным миром; однако суровые условия изгнания заставляют ее заново открыть природные свойства собственного тела, чтобы в конечном итоге через труд и боль сформировать кровно-родственное экологическое сознание. Зулейха изначально воспринимала лес как место, кишасщее дикими зверями, приста-

нище леших, русалок и прочей нечистой силы. Она испытывала страх перед густым лесом и каждый раз, когда муж уходил туда рубить деревья, Зулейха оставалась ждать его на расстоянии, не осмеливаясь войти. Однако после ссылки ей пришлось в одиночку пересекать лес, чтобы носить еду другим поселенцам. Постепенно она установила тесную связь с природой и в конце концов стала охотницей, достигнув глубокой духовной гармонии с окружающим миром. Для Зулейхи лес становится не просто источником пропитания, но и учителем духовного роста: он открывает ей истину жизни и смерти, дает экономическую независимость, представляет пространство для размышлений и в конечном итоге приводит к духовной свободе.

В то время как мужчина-охотник Игнатов беспомощен перед трудностями выживания, Зулейха проявляет неожиданный талант к охоте, с первого выстрела убив медведя и став настоящей охотницей. Это бросает вызов традиционным гендерным нормам, согласно которым женщина обычно представляется нуждающейся в спасении или защите от ужасного мужчины [Makhmudova, 2024]. В романе Яхиной инверсия ролей не только разрушает стереотипы гендерного разделения труда, но и раскрывает изначальную гармонию между женщиной и природой, придавая этой связи глубокий позитивный смысл. «Исходной точкой эко-

феминизма является установление связи между природой и женщиной. Природоцентричный экофеминизм решительно отвергает западную традиционную концепцию, приписывающую низший статус женщинам и природе, а высший – мужчинам и культуре. Проблема заключается не в том, что женщины связаны с природой теснее мужчин, а в том, что эта связь недооценена» [Ван Юй, 2021, с. 28]. Хотя творчество Яхиной необязательно является сознательным воплощением теории экофеминизма, оно демонстрирует поразительное созвучие с идеями природоцентричного экофеминизма.

В романе легкая, как птица, Зулейха ловко перемещается между еловыми ветвями, полностью сливаясь с природой. Ее чувство принадлежности к природному миру и выходит за рамки простой зависимости от него, достигая уровня духовного резонанса. Винтовка стала продолжением ее тела, знаменуя полное слияние с природой – именно через эту связь конструируется ее субъектность. Эволюция отношений Зулейхи с естественным миром несет в себе глубокую критику модернистского отчуждения: когда насилие разрывает покровы цивилизации, женщина обретает исконный способ единения с землей.

В романе «Правый берег реки Аргунь» природа также тесно связана с женщинами. Прежде всего, рассказчик – «я» – имеет неразрывную связь с природой. «Я» отказы-

вается покидать леса, отвергает современную культуру и твердо верит, что дети должны расти и учиться в природе, а не в классных комнатах. «Я» сказала: «То, что я дожила до девяноста лет в добром здравии, доказывает, что я выбрала правильного врача – мой врач это свежий ветер, текущая вода, солнце, луна и звезды» [Чи Цзыцзянь, 2010, с. 208], выражая экологическую мудрость исцеления природы, что перекликается с «этикой заботы» в экофеминизме. Другим ярким воплощением тесной связи женщины с природой является последняя шаманка в романе Нихао. В эвенкийской культуре шаман выступает посредником между человеком и «духами», выполняя священную миссию по соединению неба и земли и охране племени, являясь духовной опорой рода. В романе Ни Хао изображена как последняя шаманка, сочетающая в себе материнскую мягкость и стойкость с бескорыстной любовью и самоотверженностью шамана. Каждый ее акт спасения других людей сопровождается гибелью одного из ее собственных детей; во время последнего ритуала молитвы о дожде и спасении от лесного пожара – она отдала собственную жизнь. Ни Хао с благоговением относится к природе и горячо любит жизнь, на практике воплощая простую, но глубокую экологическую идею: человек – лишь часть природы и не имеет права возвышаться над другими формами жизни. Эта вера в

равенство всех живых существ отражает внутреннюю сущность эвенкийской культуры дух гармоничного сосуществования человека и природы.

Первая студентка из рода эвенков Елена также является типичным воплощением неразрывной связи женщины и природы. После окончания университета она работала художественным редактором в городе. Городская жизнь вызывала у нее тревогу и усталость, и только возвращение в ее внутренний дом – к оленям, деревьям, рекам, луне и свежему ветру – могло утешить ее душу. Будучи художницей, чья душа рождена природой, она не могла отказаться ни от мирской славы, ни выносить городской шум. Сильнейший удар традиций и современности вызвал у нее раздвоение личности. В итоге, завершив свою последнюю картину, она выбрала возвращение к природе в реке Бельц, чтобы обрести душевное освобождение.

«Экофеминизм решительно отвергает западную традицию, согласно которой женщины и природа считаются низшими, а мужчины и культура – высшими» [Ван Юй, 2021, с. 28]. В произведениях Яхиной и Чи Цзыцзянь изображение взаимосвязи женщины и природы также выступает как художественное опровержение этой традиции, утверждая позитивную ценность данной связи. «С бурным развитием модернизации и урбанизации с XX века была нарушена первобыт-

ная и простая форма жизни, а человек оказался искусственно отделенным от природы, столкнувшись с отчуждением, моральным разложением и утратой веры. В постгуманистическую эпоху многие современные писатели пытаются ответить на вопрос: сможет ли человечество, обращаясь к до-модерному прошлому, вновь обрести утраченное “я”» [Юй Вэньсю, 2025, с. 172]. Экологическое мировоззрение обеих писательниц тесно связано с темой женской идентичности, что позволяет им сформировать уникальную модель экофеминизма.

Сходства и различия в экофеминистском подходе

Экофеминизм как критическая теория стремится деконструировать бинарную логику господства и подчинения, присущую антропоцентризму и патриархату. Его целью является построение устойчивого общества, основанного на гармонии между полами, социальной справедливости и сосуществовании человека с природой. Творчество Г. Яхиной и Чи Цзыцзянь демонстрирует черты экофеминистского мышления, однако их ценностные ориентиры различаются в силу уникального культурно-исторического контекста. В отличие от западного экофеминизма, который зачастую радикально критикует патриархат, обе писательницы выражают более глубокое гуманистическое сочувствие и жиз-

ненную мудрость. Признавая различия между полами, они ищут пути к равенству и экологической гармонии. Пусть их замыслы порой идеалистичны, но именно эта идеальность глубоко резонирует с конечной целью экофеминизма – достичь гендерного равноправия и единения человека с природой.

В описании природы у Яхиной и Ци Цзыцзянь наблюдаются ярко выраженные стилевые различия. В произведениях Яхиной природные пейзажи наделены богатым символизмом и метафорической нагрузкой. Как подчеркивает исследователь, «внимание экофеминизма не ограничивается только проблемами гендерного угнетения и экологической эксплуатации, но и направлено на деконструкцию таких системных форм угнетения, как расизм, классовая дискриминация, колониализм. Эти социальные проблемы по сути являются первопричинами экологического кризиса, а сама деградация окружающей среды тесно связана с идеологическим и материальным подавлением угнетенных групп» [Mallory, 2013, с. 177]. Яхина описывает пространство ссылки как дикую, непокоренную природу, резко противопоставляемую цивилизованному миру, чтобы подчеркнуть жестокость классового насилия в истории СССР и трагедию маргинализированных групп. Так, образ «Шах-птица» в ее прозе выходит за рамки чисто биологического символа, «аллегорически повторяя историю

поселенцев, в то же время, имя Семруга удивительно перекликается с придуманным жителями поселка названием – “Семьрук”, отражающим трудовой вклад четырех человек в его строительство» [Канарская, 2022, с. 136]. Данная символическая репрезентация природы выполняет функцию экстериоризации человеческого духа, трансформируя природные феномены в семиотические носители антропологического содержания.

Ци Цзыцзянь, напротив, акцентирует внимание на божественной сущности и поэтичности природы. Во время шаманских обрядов многоголосье птичьих криков и удары бубна сливаются в небесную музыку, подчеркивая как красоту природы, так и проявление сверхъестественных сил через природные явления. В финале романа автор выражает тревогу по поводу разрушения природы в условиях модернизации: «Мы и наши олени всегда ласкали лес, как поцелуй. По сравнению с тысячами лесорубов, мы – всего лишь несколько стрекоз, скользящих по поверхности воды. Если лесная река загрязнена, не стрекозы же в этом виноваты» [Чи Цзыцзянь, 2010, с. 250].

Хотя природное описание Яхиной и Чи Цзыцзянь отличается по стилю, обе писательницы совместно расширяют литературное выражение экофеминистской идеи. Яхина с помощью высоко символизированных природных образов превращает сибирскую равнину в

свидетеля классового угнетения: такие образы, как «птица-король», выходят за пределы биологического значения и становятся поэтической метафорой духовной стойкости угнетенных. Такая стратегия политизации природы в ее творчестве подтверждает основной тезис экофеминизма – экологические проблемы имеют общее происхождение с системными формами угнетения, такими как классовая и расовая дискриминация. В свою очередь, Чи Цзыцзянь с поэтической тонкостью воссоздает шаманскую культуру эвенков, формируя космологию, где все сущее наделено духом. В ее описаниях природы сохраняется сакральное измерение архаических верований и ощущается мягкое сопротивление варварскому натиску модерности. Обе писательницы, хотя и следуют разным эстетическим путям, совместно деконструируют антропоцентризм: Яхина через интертекстуальность природы и истории вскрывает насильственную сущность структур угнетения, а Чи Цзыцзянь с этнографической чуткостью оберегает исчезающую экологическую мудрость. Их творчество убеждает нас в том, что подлинное экологическое письмо должно не только воспевать красоту природы, но и вскрывать властные отношения, лежащие в основе экологического кризиса, а также в пространстве литературного воображения заново выстраивать подлинную связь между человеком и

природой. Такая литературная практика не только обогащает теоретическое содержание экофеминизма, но и служит важным ориентиром для современной экологической литературы.

В вопросе гендерной идентичности Яхина через образ Зулейхи показывает путь к осознанию субъектности и к рефлексивному сопротивлению гендерным нормам, воплощая тем самым концепцию «андрогинности». Зулейха прошла путь от традиционной покорной женской роли к независимой личности, сочетающей в себе черты обоих полов: она не только взяла на себя охоту – занятие, традиционно считающееся мужским, – но и овладела навыками ухода за больными, совершив переход из частного семейного пространства в общественную сферу. Тем самым она достигла двойного освобождения – экономической независимости и духовной свободы – в качестве «гражданина», а не «жены» или «матери». Такой образ созвучен теории «андрогинного сознания», выдвинутой В. Вулф в ее литературной критике. «Вулф подчеркивала необходимость гармонии между чувствами и разумом и считала андрогинность эстетическим идеалом совершенной личности» [Ян Лисин, 2016, с. 90]. Духовный рост Зулейхи отражает не только гармоничное развитие ее разума и чувств, но и несет спасительную силу для окружающих: Игнатов с ее помощью обретает внутреннюю

гармонию, а доктор Лейбе избавляется от многолетнего душевного кошмара. Женские образы, создаваемые Яхиной, воплощают черты «софийности» – концепции в русской религиозной философии, согласно которой женщина наделяется священным статусом духовной проводницы. В русской религиозной традиции женщина рассматривается как духовный источник, соединяющий человека с природой, что во многом перекликается с западным экофеминизмом. Хотя Яхина критикует патриархальное угнетение женщин, ее творчество сосредоточено не на гендерном противостоянии, а на взаимодействии между формированием женской субъектности и окружающим пространством. Она призывает к построению более инклюзивной и благоприятной для выживания маргинализированных групп социальной экосистемы.

Ци Цзыцзянь же в своем творчестве демонстрирует синтез восточной и западной философии: усваивая основные принципы западного экофеминизма, она в то же время пронизывает свое повествование китайской традиционной мудростью – идеями единства неба и человека и гармонии инь и ян. Ее взгляд на гендер отличается большей целостностью: она не сосредотачивается на разоблачении патриархальных механизмов власти и не стремится акцентировать мужское господство, а исследует возможность гармоничного сосуществова-

ния полов. В романе «Правый берег реки Аргунь» Чи Цзыцзянь изображает разнообразные по форме и стилю любовные отношения, однако все они без исключения отражают ценность взаимной терпимости и поддержки между мужчиной и женщиной. Теплые и нежные чувства между Линке и Дамалой, глубокая любовь Ивана и Надежки, преодолевающая границы национальностей, неожиданный союз Джефулины и Даси, счастливая жизнь Нихао и Луня – все эти истории любви вместе формируют картину гендерных отношений, основанных на понимании и уважении, и раскрывают самую искреннюю основу человеческих чувств.

Будь то влияние «софийной мысли» в русской религиозной философии или восприятие древней китайской мудрости, воплощенной в даосизме, выражение женского сознания у обеих писательниц выходит за рамки конфронтационного радикального феминизма и обращается к глубокому осмыслению природной духовности и гуманистической заботы. В своих культурных контекстах они органично соединяют гендерные, экологические и духовные ценности, тем самым совместно формируя инклюзивную и пронизанную духом гармонии литературную модель экофеминизма.

Заключение

Вступив в XXI век, с ростом материального благополучия у людей все больше скуднеет духовный мир. Быстрый темп жизни порождает

дает раздражительность и равнодушие, что ведет к ухудшению общения между людьми. Несмотря на удобства, которые приносит стремительное развитие технологий, часть людей оказывается вытесненной за пределы модернизированного общества. Этот разрыв в социальной структуре и эмоциональное отчуждение отражаются в художественном творчестве, проявляясь в уменьшении числа сюжетов, посвященных простым «маленьким людям». В литературе и кино конкретные и живые образы все чаще заменяются абстракциями и символами, а тепло человеческой природы постепенно теряется. На этом фоне произведения Гузели Яхиной и Чи Цзыцзянь приобретают особую ценность. Они обращают внимание на тех, кто живет на обочине общества – скромных, простых персонажей, чьи жизни показаны во всей своей правдивой и сложной многогранности. Эти герои не идеальны, у них есть и добрые, и плохие черты, и именно такая сложность придает им объем и глубину, позволяя читателю заново почувствовать тепло человеческой природы. С момента появления модернизма и постмодернизма в литературе все чаще наблюдается отказ от изображения «нормальной» человеческой сущности – персонажи становятся отчужденными и трудными для сопереживания. Яхина и Чи Цзыцзянь воплотили в своих произведениях историю, культуру, память и боль своих народов и государств, пере-

плавив их в повествование, которое восстанавливает внутренние связи между людьми и позволяет читателю заново пережить подлинные эмоции и откликаться на них.

Язык обеих писательниц прост и выразителен. Их произведения пронизаны стремлением к равенству и глубоким осмыслением различных форм насилия. Они обращают внимание не только на конфликт между человеком и природой, но и на многоуровневые механизмы социального угнетения, включая подавление меньшинств большинством, угнетение женщин мужчинами, а также лишение прав и свобод личности капиталом и властью. Через уникальную женскую перспективу повествования они тонко раскрывают жизненные трудности маргинализированных групп в современном обществе, используя силу литературы для пробуждения глубокого внимания к человеческой сущности, достоинству и эмоциональным связям.

Через образ Зулейхи Яхина тонко раскрывает путь превращения «другого» из-под власти патриархата в гармоничную и независимую личность. Чи Цзыцзянь же, рисуя полотно жизни эвенков, с одной стороны, представляет идеальную картину мужско-женского сосуществования, с другой – ясно осознает и изображает неизбежную проблему инаковости женщины. Обе писательницы, опираясь на собственную культурную почву и используя культуру этнических меньшинств в качестве повествовательного фона,

через двойную призму – женскую и природную – демонстрируют осознанную позицию хранителей культуры. Они одновременно передают уважение и рефлексию по отношению к исторической правде, а также проявляют как принятие, так и сомнение в отношении современных ценностей. В их романах переплетаются политические перемены, историческая ткань и этническая вера. «Внимание сосредоточено не только на осмыслении прошлого, но и на объединении истории с живой современностью, открывая возможность для современного человека исцелить душу и обрести себя в шумном и противоречивом мире» [Хоу Вэйхун, 2019, с. 134].

Писательницы с сочувствием, но без отчаяния, с критичностью, но

без радикализма, описывают связь женщины с природой, с позиции женской экологической заботы и жизненной сострадательности «оглядываются в прошлое» и создают литературный мир, в котором человек кровно связан с природой. Через первобытную мудрость природы они стремятся исцелить исторические травмы, вызванные современной цивилизацией. В условиях ускоряющейся глобализации и модернизации творчество Гузели Яхиной и Чи Цзыцзянь не только отражает глубокую гуманистическую заботу и экологическое сознание, но и благодаря своему межкультурному нарративному подходу обладает ценным значением для современной эпохи и взаимного обогащения цивилизаций.

Библиографический список

1. Баркова Э. В. Экофеминизм: есть ли потенциал в решении проблемы природы человека и сохранения экомыра Земли? // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции Грозный. Махачкала : АЛЕФ, 2022. С. 47–54.
2. Ван Юй. Природа, этничность и гендер: размышления по поводу романа Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь» // Вестник Нанкайского университета (Серия философии и общественных наук). 2021. №4. С. 21–30.
3. Войтишек Е. Э. Фольклорные мотивы в творчестве Чи Цзыцзянь (на материале романа «Правый берег реки Аргунь») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2014. № 4. С. 75–83.
4. И Инь. Конструкция «божественного» мира жизни в творчестве Шэнь Цунвэня и Чи Цзыцзянь под влиянием народных верований // Исследования китайской литературы. 2017. № 1. С. 82–86.
5. Канарская Е. И. Проблема соотношения коллективной памяти и личностной идентичности в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Языки истории и языки литературы : коллективная монография. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2022. С. 129–140.
6. Пророкова М. Н. Отчуждаемое природное: понятие природы в радикальном и культурном экофеминизме // Полилог/Polylogos. 2020. № 3. С. 1–14.

7. Фан Шоуцзинь, Чи Цзыцзянь. Природа возвращает литературных духов: интервью с Чи Цзыцзянь / Фан Шоуцзинь, Чи Цзыцзянь // Литературная критика. 2001. № 3. С. 80–86.
8. Хоменко Т. В. Экофеминизм: сущность и задачи // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2012. № 2(4). С. 82–86.
9. Хоу Вэйхун. Книга души в эпоху искусственного интеллекта: рецензия на современный русский роман «Зулейха открывает глаза» // Dongwu Xueshu (Восточная академия). 2019. №6. С. 127–134.
10. Цзан Сяо Янь. Стража и привязанность Чи Цзыцзянь к эвэнкской культуре: на примере романа «Правый берег реки Аргунь» // Современная литературная арена, 2021. №4. С. 177–182.
11. Чжан Юэ. Исследование экфеминизма в романе Арунадхи Рой // Внешние языки. 2024. № 3. С. 55–62.
12. Чи Цзыцзянь. Правый берег реки Аргунь. Пекин : Издательство народной литературы, 2010. 253 с.
13. Чотчаева М. Ю. Художественные особенности изображения женского национального характера в условиях несвободы (на примере произведения Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза») / М. Ю.Чотчаева, И. В. Ключникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №5. С. 37–41.
14. Юй Вэньсю, Ли Хуэйцзюнь. Теплота и сопротивление: нарратив жизни в романах Чи Цзыцзянь / Юй Вэньсю, Ли Хуэйцзюнь // Искание истины. 2025. № 2. С. 169–176.
15. Яковлева Е. Л. Интерпретация символов женской судьбы в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Litera. 2021. № 12. С. 147–157.
16. Ян Лисин, Ван Вэй. Элементы «Блумсбери» и «гермафродитизм» Вирджинии Вулф / Ян Лисин, Ван Вэй // Сборник исследований женских проблем. 2016. № 5. С. 90–96.
17. Яхина Г. Зулейха открывает глаза (для китайских читателей) // Пер. Чжан Цзе, Се Юньдай. Пекин : Издательство народной литературы, 2017. 495 с.
18. Яхина Г. Прямо в сердце // Литературная Россия, 2016.12.16.№44. <https://litrossia.ru/item/9556-guzel-yakhina-pryamo-v-serdtse-otkrovennoe-intervyu/> (дата обращения: 03.04.2025).
19. Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза. Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. 512 с.
20. Яхина Г. Ш. Лишь одно издательство ответило мне сразу. Отказом // Союз журналистов Республики Татарстан, 2015. 11 дек. URL:<http://sj-rt.ru/guzel-yakhina-lish-odno-izdatelstvo-otvetilo-mne-srazu-otkazom> (дата обращения: 10.05.2025).
21. Makhmudova N. A. Nature, feminism and motherhood in Ursula K. Le Guin's "the wife's story" // Актуальные и перспективные научные исследования : сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза : Наука и Просвещение, 2024. С. 175–177.
22. Mallory Chaone. Locating Ecofeminism in Encounters with Food and Place (англ.) // Journal of Agricultural and Environmental Ethics[англ.] : journal. 2013. Vol. 26, no. 1. P. 171–189.

Reference list

1. Barkova Je. V. Jekofeminizm: est' li potencial v reshenii problemy prirody che-loveka i sohraneniya jekomira Zemli? = Ecofeminism: Is there any potential in solving the problem of human nature and preserving the Earth's eco-world? // Gumanitarnoe znanie i duhovnaja bezopasnost': Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii Groznyj. Mahachkala : ALEF, 2022. S. 47–54.
2. Van Juj. Priroda, jetnichnost' i gender: razmyshleniya po povodu romana Chi Czi-czjan' "Pravyj bereg reki Argun'" = Nature, ethnicity and gender: reflections on Chi Jijian's novel The Right Bank of the Argun River // Vestnik Nankajskogo universiteta (Serija filosofii i obshhestvennyh nauk). 2021. №4. S. 21–30.
3. Vojtishek E. Je. Fol'klornye motivy v tvorchestve Chi Czyczjan' (na materiale romana "Pravyj bereg reki Argun'") = Folklore motifs in Chi Zijian's work (based on the novel "The Right Bank of the Argun River") / Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika. 2014. № 4. S. 75–83.
4. I In'. Konstrukcija «bozhestvennogo» mira zhizni v tvorchestve Shjen' Cunvjenja i Chi Czyczjan' pod vlijaniem narodnyh verovanij = Constructing the "divine" world of life in the works by Shen Congwen and Chi Zijian under the influence of folk beliefs // Issledovaniya kitajskoj literatury. 2017. № 1. S. 82–86.
5. Kanarskaja E. I. Problema sootnosheniya kollektivnoj pamjati i lichnostnoj iden-tichnosti v romane G. Jahinoj «Zulejha otkryvaet glaza» = The problem of the correla-tion between collective memory and personal identity in G. Yakhina's novel Zuleikha Opens her Eyes // Jazyki istorii i jazyki literatury : kollektivnaja monografija. Nizhnij Novgorod : Nacional'nyj issledovatel'skij Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N. I. Lobachevskogo, 2022. S. 129–140.
6. Prorokova M. N. Otchuzhdaemoe prirodnoe: ponjatie prirody v radikal'nom i kul'turnom jekofeminizme = The alienated natural: the concept of nature in radical and cultural ecofeminism // Polilog/Polylogos. 2020. № 3. S. 1–14.
7. Fan Shoucun', Chi Czyczjan'. Priroda vzrashhivaet literaturnyh duhov: interv'ju s Chi Czyczjan' = Nature nurtures literary spirits: an interview with Chi Zijian / Fan Shoucun', Chi Czyczjan' // Literaturnaja kritika. 2001. № 3. S. 80–86.
8. Homenko T. V. Jekofeminizm: sushhnost' i zadachi = Ecofeminism: the essence and objectives // Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2012. № 2(4). S. 82–86.
9. Hou Vjejhun. Kniga dushi v jepohu iskusstvennogo intellekta: recenzija na sov-remennyj russkij roman "Zulejha otkryvaet glaza" = The book of the soul in times of artificial intelligence: a review of the modern Russian novel Zuleikha Opens her Eyes // Dongwu Xueshu (Vostochnaja akademija). 2019. №6. S. 127–134.
10. Czan Sjao Jan'. Strazha i privjazannost' Chi Czyczjan' k jevjensknoj kul'ture: na primere romana "Pravyj bereg reki Argun'" = Chi Zijian's guard and attachment to the Evenk culture: on the example of the novel The Right Bank of the Argun River // Sov-remennaja literaturnaja arena, 2021. №4. S. 177–182.
11. Chzhan Juje. Issledovanie jekfeminizma v romane Arunadhi Roj = A study of ecfeminism in the novel by Arunadha Roy // Vneshnie jazyki. 2024. № 3. S. 55–62.
12. Chi Czyczjan'. Pravyj bereg reki Argun' = The Right Bank of the Argun River. Pekin : Izdatel'stvo narodnoj literatury, 2010. 253 s.

13. Chotchaeva M. Ju. Hudozhestvennye osobennosti izobrazhenija zhenskogo nacional'nogo haraktera v uslovijah nesvobody (na primere proizvedenija Guzel' Jahinoj "Zulejha otkryvaet glaza") = Artistic features in depicting the female national character under lack of freedom (the case of Guzel Yakhina's novel Zuleikha Opens her Eyes) / M. Ju. Chotchaeva, I. V. Kljuchnikova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. №5. S. 37–41.
14. Juj Vjen'sju Teplota i soprotivlenie: narrativ zhizni v romanah Chi Czyczan' = Warmth and resistance: the narrative of life in Chi Zijian's novels / Juj Vjen'sju, Li Hujejcjun' // Iskanie istiny. 2025. № 2. S. 169–176.
15. Jakovleva E. L. Interpretacija simvolov zhenskoj sud'by v romane G. Jahinoj "Zulejha otkryvaet glaza" = Interpreting symbols of female destiny in G. Yakhina's novel Zuleikha Opens her Eyes // Litera. 2021. № 12. S. 147–157.
16. Jan Lisin Jelementy "Blumsberi" i "germafroditizm" Virdzhinii Vulf = Elements of "Bloomsbury" and "Hermaphroditism" in Virginia Woolf's work / Jan Lisin, Van Vvej // Sbornik issledovanij zhenskih problem. 2016. № 5. S. 90–96.
17. Jahina G. Prjamo v serce = Right in the heart // Literaturnaja Rossiya, 2016.12.16.№44. <https://litrossia.ru/item/9556-guzel-yakhina-prjamo-v-serdtse-otkrovennoe-intervyu/> (data obrashhenija: 03.04.2025).
18. Jahina G. Sh. Zulejha otkryvaet glaza = Zuleikha Opens her Eyes. Moskva : AST: Redakcija Eleny Shubinoj, 2015. 512 s.
19. Jahina G. Sh. Lish' odno izdatel'stvo otvetilo mne srazu. Otkazom = Only one publishing house answered me at once. By refusal // Sojuz zhurnalistov Respubliki Tatarstan, 2015. 11 dek. URL:<http://sj-rt.ru/guzel-yahina-lish-odno-izdatelstvo-otvetilo-mne-srazu-otkazom> (data obrashhenija: 10.05.2025).
20. Guzel' Jahina. Zulejha otkryvaet glaza (dlja kitajskih chitatelej) = Zuleikha opens her eyes (for Chinese readers) // Per. Chzhan Cze, Se Jun'caj. Pekin : Izdatel'stvo narodnoj literatury, 2017. 495 s.
21. Makhmudova N. A. Nature, feminism and motherhood in Ursula K. Le Guin's "the wife's story" // Aktual'nye i perspektivnye nauchnye issledovanija. Sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza : Nauka i Prosveshhenie, 2024. S. 175–177.
22. Mallory Chaone. Locating Ecofeminism in Encounters with Food and Place (англ.) // Journal of Agricultural and Environmental Ethics[англ.] : journal. 2013. Vol. 26, no. 1. P. 171–189.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 23.07.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted on 25.06.2025; approved after reviewing 23.07.2025; accepted for publication on 15.08.2025